

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК V

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2012

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*
доктор исторических наук *О.М. Хомушко*
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. – Вып. V. – 294 с.: ил.
ISBN 978-5-7904-1200-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»)

ISBN 978-5-7904-1200-4

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ	
<i>Горюнков С.В.</i> Метаязык мифов и матричный принцип	11
<i>Тимощук А.С.</i> Антиномии индоевропейской традиционной культуры	21
II. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	
<i>Дашковский П.К.</i> Мироззрение кочевых народов Центральной Азии хунно-сяньбийского периода в отечественной историографии: проблемы, направления исследований, дискуссии	35
<i>Дробышев Ю.И.</i> Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии	71
<i>Жамбалтарова Е.Д.</i> Обряды как иерархически организованные системы (анализ погребальных комплексов раннего неолита Забайкалья)	90
<i>Михайлов Ю.И.</i> Сакральная природа символов власти в синташтинской и семинско-турбинской традициях.....	104
<i>Руденко К.А.</i> Влияние ислама на традиционную культуру народов Волго-Камья в эпоху средневековья	113
<i>Сериков Ю.Б.</i> Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала.....	122
III. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Головизнин М.В.</i> Эволюция «вятского архитектурного стиля» как отражение полиэтничности и поликонфессиональности Вятско-Камского междуречья	143
<i>Ларичев В.Е.</i> Святилище Второго Каменного острова Средней Ангары (реконструкция календарных систем эпохи неолита Прибайкалья и семантика зооморфных образов наскального искусства Восточной Сибири)	155
<i>Марсадолов Л.С., Паранина Г.Н.</i> Методика и методология комплексных исследований древних сакральных мегалитических объектов.....	166
<i>Паранина Г.Н.</i> Солярная культура Сибири: географические аспекты формирования и развития	183

**IV. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ,
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ**

<i>Бурнаков В.А.</i> Традиционные представления хакасов о собаке... 196	196
<i>Егорочкин М.В.</i> Охотничья артель, сказитель и промысловая магия текста в традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири..... 216	216
<i>Жанбосинова А.С.</i> Религиозная политика: ислам и советская власть 240	240
<i>Магомедова М.З.</i> Исламская догматика и обрядность и их роль в становлении мусульманского образа жизни..... 251	251
<i>Сабиров Р.Т.</i> Глобальное и национальное в современном монгольском буддизме 259	259
<i>Цаллагова З.Б.</i> Влияние православия на становление и развитие образования в Осетии..... 267	267
<i>Яданова К.В.</i> Предания о камнях богатыря Сартакпая..... 277	277
Список сокращений.....	287
Сведения об авторах.....	289

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

С.В. Горюнков

*Общественный региональный когнитологический центр,
Санкт-Петербург*

МЕТАЯЗЫК МИФОВ И МАТРИЧНЫЙ ПРИНЦИП

1. Проблема предпосылочных оснований

Историкам науки хорошо известна существовавшая в конце XIX в. ситуация в физике, когда казалось, что все коренные вопросы теории наконец разрешены и осталось лишь уточнить некоторые детали. Дальнейшее же изучение этих деталей (неясностей с теорией излучения и результатов опыта Майкельсона) обернулось, как известно, кардинальным пересмотром традиционных представлений о физической реальности. Нечто похожее наблюдается сегодня в нашей исторической науке, которая, опираясь на объяснительную базу эволюционно-исторической парадигмы, тоже претендует на правильное понимание основополагающих вопросов и видит свою главную задачу в уточнении некоторых отдельных моментов. В частности, среди историков культуры достаточно широко распространено убеждение, что в области изучения мифов дело лишь за грамотным использованием существующих методологических предпосылок, в основе своей уже не подлежащих пересмотру.

Между тем именно с предпосылками дело в мифологической науке обстоит крайне неблагоприятно – из-за отсутствия у специалистов этого профиля ясного понимания сущности своего предмета. Наоборот, мы видим, что понимание это крайне эклектично. Даже в научном массовом сознании все еще живы представления о мифах как об издержках культурогенетического процесса, – хотя одновременно не отрицается и фундаментальная культурообразующая функция мифов. Еще сохраняет свои позиции взгляд на мифы как на выплеск неуправляемой стихии бессознательных инстинктов, как на буйство иррационального мышления; но при этом говорят уже и о мифологической логике, об упорядоченности мифологических структур, о «формуле мифа». Еще не изжиты подходы, при которых

каждый отдельный миф пытаются увязать с той или иной конкретной исторической реалией; но уже набирает силу точка зрения, признающая такое понимание содержания мифов несостоятельным.

Неопределенность в столь важном с методологической точки зрения вопросе не может не привлекать внимания к ситуации в самой методологии. Дело в том, что хотя критика антиисторизма и превратилась уже в бесплатное приложение к историко-материалистическому освещению проблемы теории мифа, однако само это освещение далеко еще не охарактеризовалось сколько-нибудь ясно выраженным пониманием того, каким именно должен быть исторический подход к проблеме происхождения мифов. Можно сказать еще определеннее: именно потому и наблюдаются антиисторические тенденции в изучении мифов, что самой исторической науке до сих пор не удалось полноценно утвердиться в данной области. Такое ненормальное положение вещей давно уже ощущается мифологами, работы которых вынужденно совмещают в себе теоретическое «следование принципам историзма» с практическими рекомендациями искать ответ на вопрос о происхождении мифов «в общих для того уровня культурно-исторического развития особенностях мышления», т.е. в структуре самих мифологических представлений (Токарев С.А., Мелетинский Е.М., 1980, с. 12). Не случайно некоторые из этих работ заканчиваются недоуменным вопросом: «Что такое историческая точка зрения в изучении мифов?» (Стеблин-Каменский М.И., 1976, с. 95).

2. Ситуация «круга»

Вопрос далеко не так наивен, как это может показаться на первый взгляд. Традиционные попытки объяснить возникновение мифологических представлений исходя из материальных условий жизни их носителей являются соблюдением принципа историзма лишь в формально-декларативном смысле; с точки зрения практического результата они оборачиваются игнорированием реально существующих трудностей, потому что: 1) общественно-экономическая деятельность первобытных коллективов сама всегда освящена и санкционирована мифологическими представлениями; 2) содержание мифологических представлений в высшей степени оторвано от практических задач и нужд их носителей; 3) мифологические представления отличаются от более поздних форм мировоззрения не упрощенной, как это ожидалось, организацией, а своей **качественно иной** и необычайно сложно устроенной семантической структурой (Горюнков С.В., 2010).

Если, учитывая все сказанное, исключить из рассмотрения образцы спекулятивного историзма (т.е. образцы рассуждений на тему «происхождения», в которых утверждения, требующие доказательного обоснования, откровенно постулируются), то придется признать, что мы фактически не располагаем работами, могущими служить примерами подлинно научного подхода к проблеме происхождения мифов.

Объяснение этому обстоятельству скрыто содержится в противоречивой природе исторического метода, который одновременно служит и требованием рассматривать явление в конкретных условиях его возникновения, и самим инструментом изучения этих конкретных условий. То есть исторический метод как бы заранее предполагает знание того, на изучение чего нацелен. Будучи средством изучения прошлого, он как бы облакает это прошлое в заранее заданные концептуальные рамки (а именно в рамки языковой презумпции «происхождения»), и в силу этого оказывается принципиально неспособным давать ответы на вопросы, порождаемые возможным несоответствием реальности указанным рамкам (Горюнков С.В., 2011).

Именно так понимали ситуацию самые первые критики современного исторического метода – Э. Кассирер и В.И. Вернадский. Первый писал: «Вместо того чтобы подразумевать под “происхождением” мифологическую потенцию, мы начинаем видеть в нем научный принцип и именно как таковой учимся его понимать» (Кассирер Э., 2002, с. 32). А второй обращал внимание на то, что любые теории о происхождении Вселенной, Земли и Жизни имеют своим подлинным первоисточником не объективную логику вещей, а мифорелигиозную идею «Начала Мира», унаследованную позднейшей философией и наукой (Вернадский В.И., 1987, с. 313–314).

Сегодня данная точка зрения, успешно развиваемая на материале самых разных дисциплин, приобретает постепенно статус хрестоматийной, т.е. отраженной справочниками энциклопедического характера («...связь исторического начала с мифологическим, истории и мифа, несомненна уже для космологических текстов» (Топоров В.Н., 1980, с. 572)). Однако следствие, вытекающее из этой точки зрения, далеко еще не овладело массовым сознанием историков, несмотря на всю свою принципиальную важность и глубину. Следствие это заключается в логической невозможности объяснять происхождение мифов посредством того, что само про-

изошло от них. В переводе же на уровень методологического обобщения оно формулируется так: если историзм (понимаемый как особым образом оговоренная презумпция «происхождения») произведен от мифологического образа мышления, то объяснять происхождение мифов исторически означает замыкаться в плену тавтологических умозаключений. В философии и логике науки такой подход к предмету считается не имеющим собственной доказательной силы и называется методологическим порочным кругом.

3. Черный ящик

Осознанием ситуации «круга» открывается возможность решения проблемы не умозрительными, спекулятивно-философскими, а вполне конструктивными методами. По принципу: раз мы имеем дело с феноменом неясной природы, то нужно заниматься не фантазированием по поводу происхождения феномена, а исследованием его внутренней структуры, – в расчете на то, что она, возможно, и скрывает в себе искомые ответы на все наши потенциальные вопросы (Горюнков С.В., 2010).

Речь идет об известном пропповском принципе: «Формальное изучение нельзя отрывать от исторического и противопоставлять их. Как раз наоборот: формальное изучение, точное систематическое описание изучаемого материала есть первое условие, предпосылка исторического изучения и вместе с тем первый шаг его» (Пропп В.Я., 1976, с. 139). Одновременно речь идет и о развертывании той хайдеггеровской мысли, согласно которой *феномен «круга» нужно не преодолевать* (такие попытки всегда иллюзорны), *а учитывать как эмпирическую данность предпосылочного характера*, и соответственным образом выстраивать адекватную этой данности исследовательскую программу. «Решающее не выйти из круга, а **правильным образом войти в него** (выделено мною. – С.Г.)... Круг нельзя принижать до *vitiosum*, будь то даже и терпимого. В нем таится позитивная возможность исходнейшего познания, которая аутентичным образом уловлена только тогда, когда толкование поняло, что его первой, постоянной и последней задачей остается не позволять всякий раз догадкам и расхожим понятиям диктовать себе предвзятие, предусмотрение и предрешение, но в их разработке из самих вещей обеспечить научность темы» (Хайдеггер М., 2006, с. 153).

Конкретное же исследование структуры мифов могло бы основываться на следующих, данных нам в опыте, предпосылках:

1) мифологическая система представлений характеризуется необычайно высокой степенью своей упорядоченности, проявляющейся в факте существования так называемых «мифологических повторяемостей» (которые в ситуации «круга» должны рассматриваться как имеющие типологическую, а не историческую природу);

2) она также характеризуется необычайно высокой степенью своей информативности, проявляющейся в факте *сверхневероятности* мифологических повествований (что соответствует важнейшему теоретико-информационному постулату: «чем менее вероятно сообщение, тем больше информации оно в себе содержит»).

Обеими предпосылками создаются качественно новые условия для изучения смыслового содержания языка мифов. То есть можно связать причинной зависимостью структуру повторяемостей мифологических мотивов со структурой тех, неизвестных еще, обстоятельств и условий, в которых совершался культурогенез и которые в мифах предположительно отразились. И тогда перевод мифологических повторяемостей на язык формального исчисления помог бы проникнуть в их глубинное содержание (исчисление в данном случае – это такой анализ повторяемостей, который расширяет возможности понимания их природы).

Имеется в виду методика «черного ящика», где за «вход» принимаются некие универсальные, но непознанные пока еще нами закономерности мифогенеза, за «выход» – их отражение в структуре повторяемостей мифологических мотивов, а за сам «ящик» – природа зависимости между «входом» и «выходом». Напомню, что «черный ящик» – это понятие, введенное в свое время в научный обиход с целью справиться с трудностями изучения сложных систем. Представление системы в виде «черного ящика» означает, что при настоящем уровне наших знаний мы не можем проникнуть внутрь данной системы и разобраться, каким образом «входные» условия преобразуются в ситуацию на «выходе». Однако предположив, что ситуация на «выходе» (в нашем случае – результат исчисления мифологических повторяемостей) причинно обусловлена «входными» условиями, мы можем по этой ситуации получить представление и о самих «входных» условиях.

4. Исчисление повторяемостей

Сами возможности исчисления легче всего продемонстрировать на примере тех повторяемостей, посредством которых описывается последовательность фазовых изменений мифологической

модели мира (поскольку мифологами эти фазы изучены обстоятельнее всего).

В первую очередь здесь привлекает внимание тот класс мифологических текстов, где речь идет о двух важнейших составляющих мифологической модели мира – о «небе» и «земле». Но прежде чем приступить к самой операции исчисления, нужно сказать несколько слов о специфике мифологических понятий. Дело в том, что «небо» и «земля» в системе мифологических представлений – совсем не то же самое, что подразумевается под данными понятиями сегодня. Например, древние египтяне представляли себе «небо» в виде коровы; у Цицерона читаем, что «небо» мыслилось некогда в виде большого человека; у австралийского племени аранда олицетворением «неба» считалось фантастическое существо с ногами страуса. Дальневосточные орочи, желая изобразить «землю», рисовали восьминогого лося; в представлениях африканского племени догонов «земля» – это ком глины в форме женского тела и т.д. А общим для этих, столь разных, образов является то, что все они встроены в некие универсальные ситуативные контексты (в повторяющиеся мифологические мотивы), почему и доступны формализации. И так обстоит дело не только с «небом» и «землей», но и вообще с любыми мифологическими понятиями.

С учетом сказанного и нужно рассматривать повествования о том, как мифологические «небо» и «земля» находились первоначально в слитном состоянии, а затем были разъединены. Тексты данного класса относятся к числу наиболее универсальных, повсеместно распространенных мифологических сюжетов: они известны в египетской, шумерской, индийской, китайской, полинезийской и многих других архаических традициях. С формально-логической точки зрения все они описываются посредством операции «разделения» и наглядно могут быть представлены соответствующей графической схемой (рис. 1).

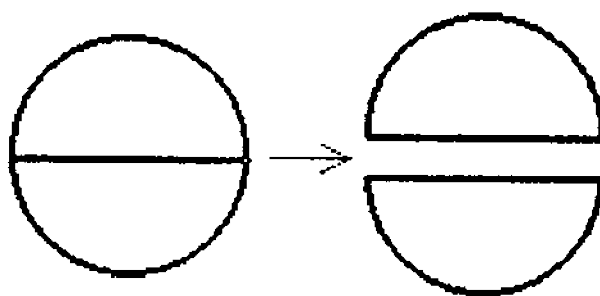

Рис. 1

Второй универсальный, повсеместно распространенный космогонический сюжет о «небе» и «земле» описывает ту фазу их «взаимоотношений», которая задается наличием в модели мира так называемого «мирового дерева», функционально выполняющего роль *точки соприкосновения* и *канала связи* между «небом» и «землей». Поскольку этот второй сюжет в его наиболее полном текстовом выражении подразумевает, с одной стороны, фазу «возникновения (вырастания) мирового дерева», а с другой – фазу «прекращения его функционирования» (фазу «пресечения связи» между «небом» и «землей»), то с формально-логической точки зрения он вписывается в приведенную выше графическую схему на правах ее промежуточного члена (рис. 2).

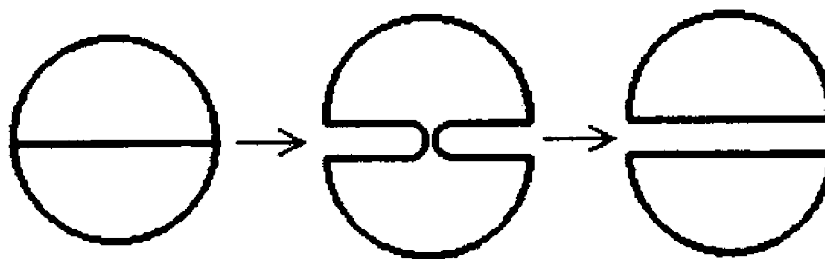

Рис. 2

Третий универсальный сюжет представлен тем классом космогонических текстов, где описывается фаза, предшествующая всем вышеперечисленным. Сюда в первую очередь относятся рассказы о происхождении «земли» как о процессе, возбужденном некой изначально существующей средой обитания и курирующей силой («небо», «мир предков» и т.д.). Сюда же относятся представления о первичности «водяного хаоса», из недр которого возникает или создается «земля» (при этом сам «хаос» отождествляется нередко на текстовом уровне с «небом», а на теоретико-концептуальном – с «принципом становления» (Лосев А.Ф., 1980, с. 589)), а также те, наиболее архаичные, мифы о всемирном потопе, в которых ситуация *после потопа* означает не высаживание на прежнюю землю (это вторичная рационализация мифа), а создание новой (имеющей вначале вид «плота», «ковчега», «плавучего острова» и т.д., постепенно увеличивающегося до размеров нынешнего обитаемого мира). Эту фазу космогонии уместно назвать фазой «вызревания двоичной модели мира» и поместить в самое начало нашей графической схемы. А вся схема обретает, таким образом, вид последовательности процессов «удвоения» и «деления» (рис. 3).

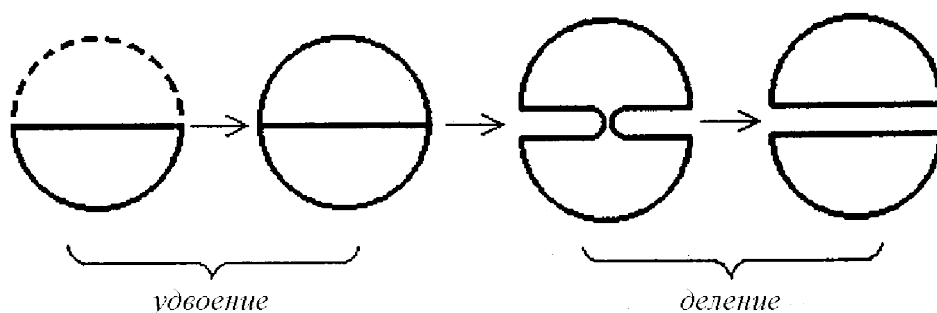

Рис. 3

Повторяю: сами по себе вышеописанные фазы космогенеза в науке о мифах давно и хорошо известны. Новым здесь является лишь принцип их взаимного расположения, дающий на «выходе» осмысленный с точки зрения своей связности и целостности результат – алгоритм «удвоение–деление». Связность и целостность этого результата и есть критерий правильности предлагаемого здесь исчисления мифологических повторяемостей, поскольку создает в перспективе возможность перекрестных проверок данного и всех последующих исчислений.

5. Матричный принцип

Нетрудно показать, что в категории разделительного процесса укладываются не только «небо» и «земля», но также «солнце» и «месяц», сюжеты о «разлучении» которых относятся к числу всемирно распространенных. И не менее широко распространены сюжеты на темы раскалывания «мирового яйца», разъятия сросшихся первопредков-супругов и близнецов-демиургов, разрывания на две части мифического первосущества и прочих фантастических объектов, половины которых («правые–левые» или «верхние–нижние») соотнесены не только с «небом» и «землей», «солнцем» и «месяцем», «мужчиной» и «женщиной», но со многими другими, иногда весьма изощренными в художественном отношении, образами. То есть на некоем надъязыковом уровне мифологические образы выступают в качестве своего рода «кодов», посредством которых описывается устройство мифологической модели мира.

Образуемые «кодами» формальные структуры призваны в процессе их деформализации объяснить, на какую эмпирически наблюдаемую реальность похожа динамика мифологической модели мира. А объяснение в данном случае лежит на поверхности, так как алгоритм «удвоение–деление» представляет собой упрощенную форму выражения структуры самовоспроизводственного, или матричного, принципа (Кольцов Н.К., 2006, с. 164). Ведь самовоспроизводство – это не что иное, как вызревание дочерней системы на матричной и последующее отделение копии от матрицы.

6. Метаязык мифов

Налицо очередная разновидность того же самого явления, которое в свое время применительно к структуре волшебной сказки описал В.Я. Пропп (1928, с. 29) и суть которого сводится к выявлению некоего общего для изучаемого класса традиционных текстов *метатекста*, где функции действия инвариантны, а носители функций действия – величины переменные. Причем особенно интересно то, что обнаруженная В.Я. Проппом (1928, с. 101) структура функций действия – алгоритм «недостача → ликвидация недостачи» – целиком укладывается в самовоспроизводственный алгоритм.

Все это должно означать (с учетом производности волшебной сказки от мифа), что перед нами – *мифологический метаязык* с многообещающим смысловым наполнением. Думать так приходится потому, что структура матричного принципа не исчерпывается последовательностью процессов «удвоения» и «деления» (Зеленин А.В., 2006, с. 168–170), и точно так же содержание мифологической системы представлений далеко не исчерпывается классами текстов, описывающих последовательность фазовых изменений мифологической модели мира.

Похоже, что именно здесь перед нами впервые открывается настоящая перспектива реализации программы Л. фон Берталанфи (1969, с. 36–37) по выявлению изоморфизмов понятий и законов в различных областях науки для их перенесения из одной области в другую, – поскольку структура мифологической модели мира оказывается выстроенной в соответствии со структурой важнейшего естественно-научного принципа. А тем самым получает подтверждение и справедливость прогнозов, выглядевших до сих пор *экзотическими*: «...современная наука приходит к исключительно высокой оценке операционной ценности и познавательной силы первобытного знания именно в самые последние годы» (Топоров В.Н., 1982, с. 37); «...онтологические предпосылки историографического познания принципиально превосходят идею строгости самых точных наук» (Хайдеггер М., 2006, с. 153).

Дальнейшие шаги в намеченном направлении будут оправданы при условии совершенствования методики исчисления мифологических повторяемостей. Условие связано с тем, что главный объем имеющихся в нашем распоряжении нужных текстов – это не готовый к исчислению исходный материал, а его всевозможные исторические трансформации. Поэтому, чтобы применить к разновременным повторяемостям типологический подход, нужно в рамках программы «Инвариант и его трансформация» провести огромную подго-

товительную работу по выявлению закономерностей трансформирования инварианта. Только на путях последовательного и масштабного решения данной задачи мы сможем окончательно утвердиться во взгляде на смысловое содержание мифов как на метаязыковое явление, имеющее исключительно высокую познавательную ценность.

Библиографический список

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. М., 1969. С. 36–37.

Вернадский В.И. Химическое строение биосферы земли и ее окружения. М., 1987.

Горюнков С.В. В рабстве у слов: к проблеме качества гуманитарных экспертиз [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение: электрон. журнал. 2011. №2. Сер.: Философия. Политология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Goriunkov_Expert_Evaluation_Quality/ (дата обращения: 20.03.2011).

Горюнков С.В. Критерий научности и ранние формы ментальности [электронный ресурс] // Homo eurasicus. 2010. URL: http://homo.eurasicus.land.ru/names_years.htm (дата обращения: 22.04.2011).

Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Ч. I: Проблема предпосылочных оснований [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение: электрон. журнал. 2010. №4. Сер.: Культурология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunkov_Culture_Genesis/ (дата обращения: 16.03.2011).

Зеленин А.В. Н.К. Кольцов и современные представления о передаче и реализации генетической информации // Кольцов Н.К. Избранные труды. М., 2006. С. 168–170.

Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М.; СПб., 2002. Т. 1.

Кольцов Н.К. Избранные труды. М., 2006.

Лосев А.Ф. Хаос // Мифы народов мира: в 2-х т. М., 1980. Т. 2.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976.

Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира: в 2-х т. М., 1980. Т. I.

Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., 1982.

Топоров В.Н. История и мифы // Мифы народов мира: в 2-х т. М., 1980. Т. I.

Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006.